

Н. С. Гумилев

биография

Николай Степанович Гумилев (1886 – 1921)

- Родился в дворянской семье кронштадтского корабельного врача Степана Яковлевича Гумилёва.
- В детстве был слабым и болезненным ребёнком. Учился дома.
- С 1903 года в Царскосельской гимназии.

- После окончания гимназии Гумилёв уехал учиться в Сорбонну.
- Долгое время считал Брюсова своим учителем.
- В 1908 году Гумилёв издал сборник «Романтические цветы».
- Отправляется в путешествие, посещает Турцию, Грецию, Египет.
- Один из крупнейших исследователей Африки. Он совершил несколько экспедиций по восточной и северо-восточной Африке (1909, 1910, 1913) и привёз в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру) в Санкт-Петербурге богатейшую коллекцию.

- 1909 год - стреляется на дуэли с поэтом М. Волошиным.
- В 1910 году вышел сборник «Жемчуга». Обвенчался с Анной Горенко (Ахматовой).
- 1911г. - организуется «Цех поэтов».
- 1912 г. - провозглашается поэтическое направление **акмеизм**. Рождается сын Лев Гумилев.

- В начале августа 1914 года Гумилёв записался добровольцем в армию. За храбрость и героизм награжден тремя Георгиевскими крестами (дважды 4-й и один раз 3-й степени).
- В 1916 году вышел сборник стихов «Колчан», в который вошли стихи на военную тему.
- В 1918 году поэт прибывает в Россию.

- В 1918 году был издан сборник «Костёр», в 1921 году - «Шатер» и «Огненный столп».
- В 1919 году женился на Анне Николаевне Энгельгардт, дочери историка и литературоведа Н. А. Энгельгардта.
- 3 августа 1921 года Гумилёв был арестован по подозрению в участии в заговоре «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева». В ночь на 26-е августа был расстрелян.

- ## Слово

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому, что все оттенки смысла
Умное число передает.

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

Душа и тело

I

Над городом плывет ночная тишь
И каждый шорох делается глуше,
А ты, душа, ты всё-таки молчишь,
Помилуй, Боже, мраморные души.

И отвечала мне душа моя,
Как будто арфы дальние пропели:
— Зачем открыла я для бытия
Глаза в презренном человеческом теле?

— Безумная, я бросила мой дом,
К иному устремясь великолепью.
И шар земной мне сделался ядром,
К какому каторжник прикован цепью.

— Ах, я возненавидела любовь,
Болезнь, которой все у вас
подвластны,
Которая туманит вновь и вновь
Мир мне чужой, но стройный и
прекрасный.

— И если что еще меня роднит
С былым, мерцающим в планетном
хоре,
То это горе, мой надежный щит,
Холодное презрительное горе. —

Закат из золотого стал как медь,
Покрылись облака зеленой ржою,
И телу я сказал тогда: — Ответь
На всё провозглашенное душою. —

И тело мне ответило мое,
Простое тело, но с горячей кровью:
— Не знаю я, что значит бытие,
Хотя и знаю, что зовут любовью.

— Люблю в соленой плескаться волне,
Прислушиваться к крикам
ястребиным,
Люблю на необъезженном коне
Нестись по лугу, пахнущему тмином.

И женщину люблю... Когда глаза
Ее потупленные я целую,
Я пьяно, будто близится гроза,
Иль будто пью я воду ключевую.

— Но я за всё, что взяло и хочу,
За все печали, радости и бредни,
Как подобает мужу, заплачу
Непоправимой гибелью последней.

•
Когда же слово Бога с высоты
Большой Медведицею заблестело,
С вопросом, — кто же, вопрошатель,
ты? —
Душа предстала предо мной и тело.

На них я взоры медленно вознес
И милостиво дерзостным ответил:
— Скажите мне, ужель разумен пес
Который воет, если месяц светел?

— Ужели вам допрашивать меня,
Меня, кому единое мгновенье
Весь срок от первого земного дня
До огненного светопреставленья?

— Меня, кто, словно древо Игдразиль,
Пророс главою семью семь
вселенных,
И для очей которого, как пыль,
Поля земные и поля блаженных?

— Я тот, кто спит, и кроет глубина
Его невыразимое прозвание:
А вы, вы только слабый ответ сна,
Бегущего на дне его сознанья!

Шестое чувство

Прекрасно в нас влюбленное вино
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которою дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.

Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?

Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать.
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти всё мимо, мимо.

Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Всё ж мучится таинственным желаньем;

Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья;

Так, век за веком — скоро ли, Господь? —
Под скальпелем природы и искусства,
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

Заблудившийся трамвай

Шел я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний гай,
И звоны лютни, и дальние громы,
Передо мною летел трамвай.

Как я вскочил на его подножку,
Было загадкою для меня,
В воздухе огненную дорожку
Он оставлял и при свете дня.

Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

Поздно. Уж мы обогнули стену,
Мы проскочили сквозь рощу пальм,
Через Неву, через Нил и Сену
Мы прогремели по трем мостам.

И, промелькнув у оконной рамы,
Бросил нам вслед пытливый взгляд
Нищий старик, — конечно тот самый,
Что умер в Бейруте год назад.

Где я? Так томно и так тревожно
Сердце мое стучит в ответ:
Видишь вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет?

Вывеска... кровью налитые буквы
Гласят — зеленная, — знаю, тут
Вместо капусты и вместо брюквы
Мертвые головы продают.

В красной рубашке, с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими
Здесь, в ящике скользком, на самом дне.

А в переулке забор дощатый,
Дом в три окна и серый газон...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон!

Машенька, ты здесь жила и пела,
Мне, жениху, ковер ткала,
Где же теперь твой голос и тело,
Может ли быть, что ты умерла!

Как ты стонала в своей светлице,
Я же с напудренной косой
Шел представляться Императрице
И не увиделся вновь с тобой.

Понял теперь я: наша свобода
Только оттуда бьющий свет,
Люди и тени стоят у входа
В зоологический сад планет.

И сразу ветер знакомый и сладкий,
И за мостом летит на меня
Всадника длань в железной перчатке
И два копыта его коня.

Верной твердынею православья
Врезан Исакий в вышине,
Там отслужу молебен о здравьи
Машеньки и панихиду по мне.

И всё ж навеки сердце угрюмо,
И трудно дышать, и больно жить...
Машенька, я никогда не думал,
Что можно так любить и грустить.